

ЦЕЛИННОЕ ЛЕТО 1957 года

Юрий Николаевич Житнев, Инна Ивановна Кулакова (на целине – Степанова)



Рассказы ребят-целинников и подробные репортажи Александра Евгеньевича Агронома - главного целинного репортера, склонили многих провести летние каникулы в Казахстане на уборке урожая. Добровольцами в отряд записывались в основном студенты, окончившие второй и третий курс. *(Из целинного фольклора: «Комсомола обращение - Надо хлеб убрать скорее, хлеб, возвращенный целиною»)*. Записывались и уже побывавшие на целине-56. Попросились в отряд и два младших научных сотрудника: Коля Афонский - неорганик и Юра Житнев - физхимик. В отряд их приняли на условиях совершенно рядовых «бойцов». Никаких поручений от руководства (деканата

и партбюро) они не получали. Для третьекурсников они казались такими взрослыми (особенно Коля), что первое время их даже называли по имени-отчеству.

Будущие целинники стали готовиться к отъезду. Наташа Буренина чистила до блеска свой маленький походный самовар, Коля Афонский достал из сарая старый дробовик, к которому уже лет десять никто не прикасался, Юра Житнев на каком-то специальном складе около Савеловского вокзала по именной целинной путевке купил очень дефицитное в то время байковое одеяло. Там же можно было купить какую-то бытовую мелочь, типа посуды. Закупалось на отряд и некоторое количество круп, сахара.

Студенты, собрав в рюкзаки и сумки нехитрое снаряжение, собрались 19 июля около химфака в ожидании автобусов на вокзал.



Собираемся перед химфаком в ожидании автобусов

Автобусы пришли, и мы уже на товарной платформе Рижского вокзала. Там же куча провожающих – смех, шутки, розыгрыши!



Людские «товарняки»



Прощай, Москва!

Отъезжающие погрузились в товарные вагоны с нарами и очень медленно поехали на восток. *(Из отрядного фольклора: «...по дороге длинной скучной десять дней тряслись на нарах: напевали под гармошку, вытывали (обливались) понемножку и играли на гитарах...»)*. Стояла сильная жара, и на остановках на задворках товарных путей начиналась активная охота за водой, а около редких туалетов выстраивались длинные девчачьи очереди. На какой-то станции обещали стоять полчаса. Юра с Колей, взяв полотенца, отправились поискать не очень многолюдную водопроводную колонку. Нашли ее вдали от своего состава. Блаженно освежившись, увидели хвост своего уходящего состава. Потом началась погоня. Сначала уговорили взять их на товарняк, который отправлялся ночью. На площадке последнего вагона в майках и модных тогда сатиновых шароварах ночью было весьма прохладно. Утром перебрались на паровоз и при первых лучах солнца уже сидели на ступенях, вцепившись в поручни.

Описать утреннюю красоту уральского хребта – нет слов!



Как ни старался товарняк догнать целинный состав – ему это так и не удалось. Денег у них на двоих было 18 рублей, что полностью исключало обычный проезд. Описав начальнику какой-то станции свое положение, они оказались в запертом тамбуре почтового вагона скорого поезда Москва-Свердловск и лихо промчались мимо своего целинного состава, стоявшего в стороне на параллельных

путях около небольшой ложбинки, заполненной водой, где весело плескались будущие целинники. В Свердловске долго ждали целинный состав, а по его прибытии на своем вагоне увидели плакат: «Распродажа вещей Афонского и Житнева». Через несколько дней целинный состав добрался до Казахстана. Потом была длинная колонна открытых грузовиков с красными флагами и плотно упакованных студентами, которых везли в разные отделения. Солнце, пыль и радостное возбуждение!

В суматохе разгрузки (как и в современном Аэрофлоте) вещи Иры Беляевой уехали в другое отделение (нашлись только по возвращении домой). Нас привезли в предназначенное нам отделение совхоза.

В поезде наша бригада оказалась в одном вагоне с историками. Там кто-то подхватил грипп и при расставании щедро наградил нас вредоносным вирусом. И это несмотря на профилактику в пути настоящим горячим чаем (Наташа Буренина прихватила с собой небольшой самоварчик, и мы разжигали его на ходу поезда на площадке вагона).



Поезд бежит, а самовар кипит! (Коля Афонский)

Вся мужская часть нашей бригады и несколько девушек по приезде на место буквально свалилась на пол пустого класса маленькой избушки-школы с

высокой температурой. Стены школы были увешаны лозунгами на казахском языке, но в русской транскрипции. Вот мы и пытались их запомнить. Я (И.И. Кулакова) до сих пор помню два лозунга:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Барлык елдердын пролетарлары беригиндер!

Пионер, к делу Ленина, будь готов!
Пионер, Ленинн ісінедай ынболыны!

Ни врача, ни лекарств близко не оказалось, но один из примкнувших к студентам мнс вспомнил о старинном, но проверенном временем рецепте борьбы с простудными недугами: рюмка водки с молотым черным перцем. К счастью, нашлось и то и другое. Но выяснилось, что некоторые впервые вступают в контакт с сорока градусами и принимали эти живительные 30 «грамм» с большой опаской. Старинный рецепт не подвел и молодые организмы быстро справились с недугом. Спустя неделю все были в норме и готовы к трудовым подвигам. В отряде нас было 24 бойца. К сожалению, многих уже нет. Но тепло вспоминаются все: Коля Афонский, Рита Адаменкова, Саша Гриб, Наташа Буренина, Вадик Иванов, Юра Оводов, Галя Александрова, Рома Кульман, Юра Чаповский, Владик Храпов, Люда Милишникова, Люба Ващенко, Толя и Алла Пономаренко, Ира Беляева, Юля Винер, Наташа Рыкова, Сергей Орлов, Нагима Хафизова, Ира Иванова, Света Гаврилова, Толя Усов. Среди них оказались два мнс'а– неорганик Коля Афонский и физхимик Юра Житнев – в качестве рядовых бойцов. Для третьекурсников они Люба Ващенко были такие взрослые (особенно Коля), что поначалу все мы называли их только по имени-отчеству: Николай Сергеевич и Юрий Николаевич. Нашего бригадира мы почему-то сразу называли «папой», а из уважения к Коле Афонскому назначили его «мамой».

В 1956 году, первом году освоения этих земель, был грандиозный урожай. Не все собранное зерно удалось сдать государству или убрать в хранилища. В нашем отделении часть зерна толщиной слоя до 10 сантиметров осталась

зимовать на открытых токах и после осенних дождей и зимних морозов превратилась в корку, напоминающую свежий асфальт. А в 1957 году урожай оказался, наоборот, совершенно ничтожный. Удавалось собрать с гектара лишь по два центнера зерна – ровно столько, сколько сеяли.

Первые дни работы практически не было и весь отряд жил на иждивении «больных», которым полагалось по 12 рублей 50 копеек в день по болезни. На пропитание бригады этого как-то хватало. Потом из школы нас вывезли в чистое поле (около 5 километров от поселка), дали старую армейскую палатку на 60 душ, и мы начали капитально устраивать наш быт. Прежде всего чинили палатку, используя на заплатки еще более старую.



Наш стан, где мы провели два месяца. Степь да степь кругом...

После наложения бесчисленных заплаток, палатку поставили и с изумлением увидели, что часть наших вещей оказались пришитыми к потолку, а на полу через оставшиеся дырочки резвились солнечные зайчики. И все начиналось сначала. Из досок и травы сооружали лежаки, размещая их так, чтобы над ними не было дыр в крыше.

Сложили из глины печь, сколотили длинный стол и скамейки; над «кухней» сделали навес. Выкопали погреб для заготовок (нами засоленных огурцов).



Печь из необожженной глины ни разу не подвела



И автозагрузка, и почти английский клуб.



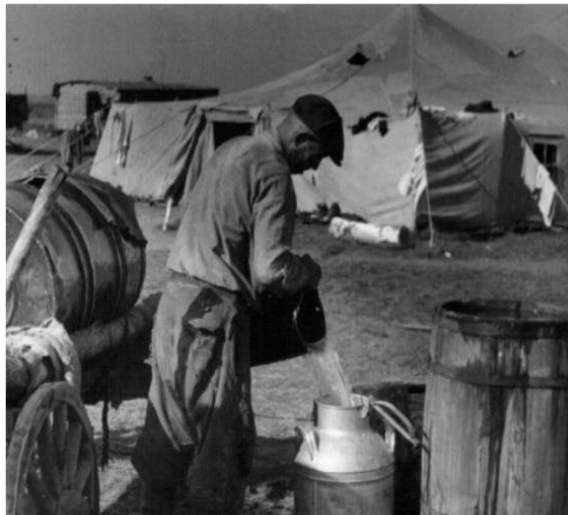
Подсобные приспособления



Ежедневный ритуал

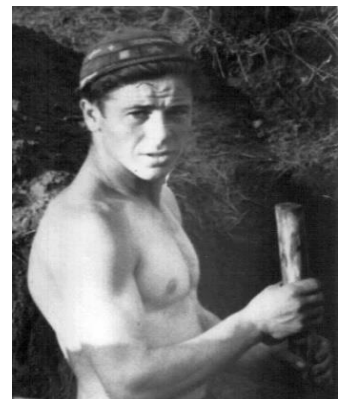
Позаботились и об удобствах: вырыли большую яму, перекрыли ее посередине двумя досками, со стороны редко используемой дороги поставили небольшую ширму и назвали все это «Большим Чикаго». (Когда из-за лужи после дождя дорога оказалась по другую сторону от Чикаго, ширму переносить не стали).

День начинался с побудки дежурным. Потом общая зарядка, которая сначала была просто игрой, но потом обрела весьма состязательную форму. Завтрак, линейка с подъемом флага и раздачей заданий на день нашим бригадиром Владиленом Храповым. Дежурили по двое: парень и девушка, готовили завтрак и обед. Воду для готовки (неизвестного происхождения) привозил на телеге в бочке местный дед Щукарь.



Вот и воду привез местный дед Шукарь.

Незатейливый ассортимент продуктов заказывал и получал наш замечательный завхоз – Толя Пономоренко (см. фото справа). Однажды он нас сильно удивил и обрадовал, раздобыв где-то небольшое ведерко халвы серо-земляного цвета. Событие было настолько чрезвычайным, что дожидаться обеда для неспешного поглощения этого «десерта» не получилось – халва наскоро была поделена (повезло же дежурным – помимо положенной порции им достались крошки и некондиция) и с большой радостью уничтожена. Радость, впрочем, была недолгой: на следующий день «Чикаго» не успевал принимать посетителей.



Не только халва цвета серой земли могла вывести из равновесия наши желудки, настроенные на спокойную макаронно-вермишелевую диету. С нами в отряде оказалась Юля Винер, сестра Саши Гриба. Она была дипломницей факультета журналистики и поехала с нами на целину собирать материал для диплома. Юля и Саша были два антипода. Саша в свободное от работы и дежурств время либо погружался в чтение, либо пребывал в глубокой задумчивости. Юлю же отличала общительность и тяга к приключениям. Временами она покидала отряд и отчаянно моталась на попутных грузовиках по окрестным поселкам, знакомилась со всеми встречными и расспрашивала

их о жизни. Из одной такой поездки Юля вернулась со свежими огурцами. Мы ликовали наших. Но эта радость отправила затем двух Юр (Оводова и Житнева) на недельку в трехкомнатный домик-больницу, одиноко стоявший посреди большого пустыря (видимо, для предотвращения возможных эпидемий).

Юры крепко сдружились, вели на крылечке домика долгие беседы. Правда, ежедневная манная каша! с луком и подсолнечным маслом (совершенно без соли), которую привозила на кобылке сердитая возница, им изрядно надоела. Потом ненадолго во вторую комнату привезли простудившуюся Галю Александрову. Третья комната со столом и одиноким стулом без какой-либо другой мебели была кабинетом врача, посещавшим больницу через день на полчаса. Он, однако, съездил куда-то далеко и привез спасительный пенициллин. Конечно, все закончилось благополучно, и поправившиеся бойцы вернулись в строй.



Задумчивый Саша Гриб

В 1956 году не все собранное зерно удалось сдать государству или убрать в хранилища. Часть зерна зимовала на открытом току и после осенних дождей и морозов превратилась в плотную корку.



Очистка тока. На переднем плане трудится Люда Милишникова.

А в 1957 году перед приемом нового урожая нужно было очистить ток от окаменевшего слоя перепревшего прошлогоднего зерна. Работа тяжелая и малооплачиваемая. Расценки работ очень сильно различались. Поэтому в нашей бригаде был принцип равной оплаты для всех при назначении на данную работу того, кто с ней лучше мог справиться. Первые дни работы мы были практически на иждивении больных.

С началом уборки на очищенном току мы чистили и сушили зерно нового урожая (веяние и перелопачивание). Нам сказали, что мы должны веять зерно с помощью «зерноплюя», утром разгребать валки, перелопачивать зерно несколько раз в день, а вечером снова сгребать зерно в валки.



Зерноплуж иногда работал



Отдых после перелопачивания зерна. На переднем плане Инна Степанова.

Так мы усиленно работали целый месяц, но заработанных денег едва хватало на продукты. Когда приехал уполномоченный от парторганизации, чтобы выяснить причину нашей «плохой» работы, выяснилось, что работали-то мы совсем не плохо, а вот учетчики нас откровенно обворовывали - записывали нам всего одну операцию, а не те несколько, которые мы выполняли. Остальные, сделанные нами, видно, приписывались своим –«вы,

мол, уедете, а нам тут жить». И с этого времени мы смогли себе позволить купить и халву.

Кстати, этот уполномоченный был в большом шоке, узнав, что мы всей бригадой живем в одной палатке, даже не поделенной на мужскую и женскую половины!



Вечерние беседы в уютной гостиной. Крайняя справа Наташа Рыкова, за ней Наташа Буренина, остальные не опознаны.

У нас были и свои комбайнеры.



Наши комбайнеры - Рита Адаменкова, Юра Оводов и Юра Житнев.

Девочки работали на копнении соломы, свозили ее на быках к скирдам, чистили коровник, увозя на быках многолетний навоз.



Грозные быки безропотно подчинялись своим поводырям – Нагиме Хафизовой и Наташе Бурениной.

После загрузки силосной ямы и завершения сенокоса началась уборка пшеницы. На зерноуборочных комбайнах в те времена работало по два человека: комбайнер – местный механизатор и копнильщик (он же помощник комбайнера). Комбайнер – в кабине, копнильщик – на площадке сбоку от копнителя. Площадка, чтобы не упасть, ограждена П-образными перилами из металлических уголков. Задача копнильщика – вилами равномерно разбрасывать поступающую в копнитель солому и после наполнения копнителя нажимать на педаль. При этом задняя стенка копнителя (решетка) должна подняться, чтобы позволить выпаданию копны на землю, затем решетка закрывается и т.д. Работа не сложная, но копнитель мотает на ухабах, а копнильщик бьется о металлическое ограждение (руками ведь не удержишься, когда работаешь вилами), и от этого талия бедного копнильщика превращается в сплошной синяк. Но бывали неординарные ситуации, когда решетка не поднималась. Тогда копнильщику приходилось прыгать в бункер, чтобы помочь соломе вывалиться из него.

А были случаи, когда копнитель «действовал» наоборот. С полей нас часто подвозили на самоходных комбайнах, при этом мы залезали в копнитель и с шиком доезжали до нашей палатки. Но дороги были в ухабах, а водителю самоходки хотелось побыстрее доставить нас на место. Поэтому бывало, что на каком-нибудь ухабе копнитель самопроизвольно открывался, и мы, как крупный горох, высыпались на дорогу. К счастью, все обходилось без жертв, отделялись лишь приличными ссадинами от встречи с засохшей землей.

Кроме уборки хлебов мы заготавливали на зиму силосную массу из кукурузы. Ребята вилами и лопатами сбрасывали из машины эту тяжелую и вязкую массу в силосную яму, в которой потом ее разравнивали и трамбовали. На эту работу ставили самых сильных ребят, но находились и отчаянные девчонки. Учет ездов каждой машины был поручен нам, и иногда приходилось грозить водителю, не рискующему подводить машину к краю ямы, незащитой его ездки..



На разгрузке силосной массы Юра Оводов и Толя Усов..

При заготовке кукурузного силоса большим лакомством считались кукурузные початки, насаженные на зубья вил и слегка поджаренные над костерком из соломы. Отведавших этого лакомства было легко узнать по сходству с Трубочистом из Трех Толстяков. Эта книга Ю. Олеси,

прихваченная кем-то в дорогу, имела большой успех в отряде. Ее иногда даже читали в палатке вслух во время редких безработных дождей.



Была еще одна, очень неприятная работа: разборка, чистка и смазка разных агрегатов сельхозмашин. Агрегаты были старые, как правило, ржавые, а инструмента подходящего не было. Поэтому главными помощниками в этом деле были - таз с керосином, молоток, зубило и тряпки.

Ю. Житнев за чисткой и смазкой узлов комбайна.

Вспомогательные механизмы в нашем отделении были с большим стажем и часто бастовали. Но решение проблем всегда быстро находили. Так, например, уснувший автопогрузчик успешно заменялся ручным ведерным погрузчиком и т. д.



Ручной зернопульт.

Если пшеница в этот год уродилась очень плохо, то урожай овса был необыкновенным. Комбайны быстро набирали полный бункер и порой стояли в ожидании машин для разгрузки. Обилие овса притянуло в поле на уборку некоторых аборигенов за бесплатным кормом. Но нам правление поручило вести строгий учет местного добра, и наши твердые отказы быстро отвадили этих соискателей.

Конечно, у нас были не только трудовые будни – были и праздники. Недалеко от нашего стана находилась небольшая рощица из березок, осин и кустарника. Кто-то заглянул туда по делам и вдруг закричал: «Скорее сюда!» Ребята решили, что на него напали и бросились на помощь. Прибежав, застыли, увидев многочисленные семейства белых грибов и подосиновиков.

Грибов оказалось так много, что пришлось принести носилки, чтобы доставить все это богатство в лагерь. Оказывается, местные жители грибов не едят.



*Подол больше лукошка.
(Юра Оводов).*



*Не песок и не цемент, а съедобный компонент.
(Коля Афонский Юри Оводов).*

Мы отмечали дни рождения, выпускали веселую и достаточно ехидную стенгазету, сочиняли капустники.



«Папа» и «мама» поздравляют Юру Чаповского с днем рождения.

Как-то вечером наши мнс'ы вели беседу о грибах и грибных местах в Подмоскowie. Вдали пролетела довольно большая птица, похожая на утку. «Слушай – сказал Коля, – ведь у нас есть ружье, а тут утки летают! Мы могли бы украсить наш обед!» Решили утром идти на охоту. Но Коля вспомнил, что из дробовика уже лет десять никто не стрелял и выдержит ли

он удар пороховых газов не ясно. Решили сначала испытать дробовик в деле. К вкопанному в землю столбику крепко привязали дробовик, вставили в него патрон, на спусковой курок прицепили длинную веревку.

Контрольный выстрел прошел удачно – дробовик уцелел. Значит – завтра на охоту! Утром, часов в шесть добрались «охотники» до густого кустарника на берегу заливаемой низины, соорудили из веток некое подобие шалаша и затаились в ожидании дичи. Но утки, видимо, как-то узнали об их злодейских планах и изменили свой обычный маршрут полета.

*Коля Афонский готовит
проверку дробовика*



А вот для комаров и какой-то мелкой мошки «охотники» были просто большим подарком. Просидев, скорчившись в «шалаше» часа полтора, они поняли, что утки их хитрее. Так, не солоно хлебавши, сделав единственный выстрел в воздух, чтобы разрядить старое ружье, сильно покусанные и немного сердитые (на себя) вернулись в лагерь. К чести бойцов нашего отряда обошлось без ехидных насмешек. Девчонки им даже посочувствовали.

Были, конечно, и разные курьезы. На дежурстве на кухне Инны Степановой и Ромы Кульмана произошло страшное ЧП, о котором бригада даже не узнала. Дежурные собрались скрасить скромный обед засоленными нами огурцами. Спустившись в темный подвальчик, из бочки вместе с огурцами извлекли полуживую полевую мышку. Бедолага не смогла по мокрым стенкам сама выбраться из бочки. Мышку отпустили на волю и неотвратно встал извечный гамлетовский вопрос «брать или не брать». Appetитный вид крепких огурчиков проголосовал за «брать», но событие решили держать в тайне. Тщательно отмытые огурцы были поданы к столу и

быстро исчезли. Никаких происшествий не случилось! Только теперь, по истечении срока давности, Инна Ивановна рассказала об этом ЧП!

Недалеко от нашего лагеря находилась база механизаторов, где в полевых вагончиках жили трактористы, комбайнеры и шоферы. В основном – молодежь. Мы познакомились с ними и даже подружились. Дружба была достаточно активной. Как-то молодой механизатор Саша сделал на грузовичке остановку у нашего лагеря. Он предложил своему «другу» Юре Житневу порулить на машине. Друг до этого никогда не рулил, но охотно согласился. Саша показал на педали и уточнил, на какую и когда жать. Юра смело нажал на «газ», грузовик резво рванул, направляясь в сторону нашей печки-кормилицы. Сидевший рядом Саша, успел резко повернуть руль и грузовичок сходу врезался носом в стог сена, удачно оказавшийся в нужном месте, мотор заглох. Но дружба от этого приключения не пострадала, и Юра напросился к Саше на ночную пахоту. Это выглядело как-то так: Саша впереди на тракторе, который тащит плуги. За плугами движется по вспаханному железная решетка с зубьями (борона), а на ней на небольшом железном сиденье Юра и какой-то



рычаг для связи с трактористом. Железное сиденье сильно трясло, кругом была кромешная тьма, а Юра на пахоте был после большого трудового дня.

Словом, уснул наш Юра, привалившись к ограждению.

Ночная смена

Саша, не получая сигналов от «напарника», остановил пахоту, снял бедолагу с бороны и довел до кустиков на краю поля, где и состоялось досыпание. После рассвета незадачливый пахарь был разбужен и смог добраться домой. После окончания летней целины друзья некоторое время даже переписывались. Ночная работа была не только у соседей молодых механизаторов. Когда в

нашем отделении появились самоходные комбайны, началась уборка зерна и ночью.

Урожай пшеницы в этом году был невысокий, с работой в поле управлялись довольно быстро и свободного времени было достаточно. Можно было и вздремнуть, и почитать, и что-то подшить, да и побриться.



Наташа Буренина



Юра Оводов

Инна Степанова (как в свое время Даль) собирала у всех (кто знал!) и записывала карандашом в тетрадь слова студенческих песен и особенно целинных.

Было много мелких хозяйственных забот, которые, впрочем, уже тоже быстро решались. Жизнь протекала на полном самообслуживании: зашить то, что совсем уж порвалось, подстричь то, что уж больно отросло – обычное дело. Некоторые такие события даже вызывали общий интерес. Так, стрижка Коли Афонского привлекла много зрителей. Болельщики давали многочисленные советы парикмахеру-самоучке Юре Житневу. Не пренебрегали и водой из впадин после редких дождей.



*Ужасно оброс! Рита Адаменкова,
Наташа Буренина, Люда Мишиниова
Алла Пономаренко Коля Афонский, Юра
Житнев, Юра Оводов, Инна Степанова.*



*Почти, как купание красного коня.
Коля Афонский и неопознанные мойщицы.*



Сегодня будут блины

Праздником были и поездка в настоящую баню, и дежурства Вадима Иванова, который всегда готовил что-нибудь вкусненькое, умудряясь из обычных макаронных ингредиентов сотворить что-то особенное.

(В одной из отрядных песен он отмечен так: «...в бригаде папы Храпова он выполняет план; он варит кашу манную и кипятит титан»).

Были, впрочем, и не совсем радостные моменты. Как-то в баню смогли отвезти не всю бригаду. В качестве утешения не попавшим в баню Вадим на ужин напек блинов. Но и попавшим в баню тоже было оставлено. Однако, и мытые и немытые блинов так и не увидели. Зато у местных собак был праздник.

Но вот в нашем отделении все убрано и собрано, и мы переезжаем к соседям, где работы еще идут. Через несколько дней все закончилось и там, и всех ждал общий большой прощальный вечер. Он проходил в огромном высоком сарае длиной метров 100 – 150, внутри которого стояли высокие бочки с бешбармаком и ящики с бутылками с некавказским содержимым. Все друг друга знали, любили и тостам не было конца. Но количество бутылок и

крепость содержимого в них успешно нейтрализовалось обильным бешбармаком и никаких ненужных происшествий не было. Окончание вечера, правда, утонуло в некотором тумане. На следующий день в 6 часов утра дежурному по кухне, чтобы набрать воду, пришлось сломать тонкую корочку льда. Целинное лето кончилось. Три бойца нашего отряда были награждены медалью «За освоение целины».



Юра Чаповский, Влад Храпов, Толя Пономаренко.



Значок и медаль «За освоение целины»

Потом были нормальные пассажирские вагоны, не очень долгая дорога в Москву. В поезде обсуждалось, чем можно себя порадовать в столице. Первое

место занял «цы в ма» (цыпленок в мадере). Никто, впрочем, не знал, существовало ли такое блюдо.



И, наконец, мы в Москве! Нас встречают на Казанском вокзале наши друзья.

Незабываемая, счастливая пора!